

ВЗЯТІЕ ЭРЗЕРУМА въ 1829 г.

По разсказамъ современниковъ и архивнымъ даннымъ.

Послѣ пораженія главныхъ турецкихъ силъ при Коиплѣ и Миллѣ дюзѣ—путь на Эрзерумъ былъ открытъ, такъ какъ Турція не имѣла силъ противиться нашей арміи. Войска турокъ были разбиты и разогнаны, часть ушла по своимъ селеньямъ, другіе—образовали отряды разбойниковъ. Сераскиръ едва спасся отъ плѣна и бѣжалъ въ Чассанъ Кало, гдѣ стояло нѣсколько тысячъ турецкой пѣхоты. Онъ попытался поднять духъ войска и сталъ жалкіе остатки турокъ сосредоточивать у Эрзерума. Задача была трудная, такъ какъ слухъ о храбрости русскихъ распространялся все болѣе и болѣе, возбуждая панику, столь обычную у фанатиковъ.

Въ Эрзерумѣ было до 30 тысячъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе. Эта масса казалась Сераскиру достаточной, чтобы задержать русскія войска, пока не подойдутъ другія войска изъ внутреннихъ областей Малой Азіи. Большія надежды они возлагали на лазовъ и курдовъ. Энергія была обнаружена большая. Аджарскимъ войскамъ Кягин-бека былъ посланъ приказъ итти къ Эрзеруму, звалъ и Муширскаго пашу. Послѣдній былъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Паскевичемъ и не зналъ, что предпринять. Между тѣмъ Эрзерумъ быстро приводился въ состояніе обороны, на фортахъ ставили новыя пушки, укрѣпляли стѣны. Но жители не вѣрили въ силу турокъ и панику трудно было остановить. Паскевичъ былъ большимъ стратегомъ, онъ понималъ, что моментъ въ войнѣ это—все, и не терялъ времени, онъ понималъ, что надо добивать врага, пока тотъ не оправится и быстро двигалъ войска по слѣдамъ турокъ.

Войска двигались разными направленіями. Бурцевъ изъ Кара Кургана шелъ по большой Эрзерумской дорогѣ на Зивинъ и Ардостъ.

Князь Бековичъ Черкасскій двигался на Хоросанъ (центр снабженія арміи со складами продовольствія и припасовъ), графъ Симоновичъ съ грузинами очищалъ Милли дюзъ отъ разбойничьихъ турецкихъ шаекъ, бродившихъ послѣ пораженія турокъ по лѣсамъ. Главныя слѣды-бригада гренадеръ, поддерживаемая кавалеріей, подъ предводительствомъ самого Паскевича, шла въ Кара Курганъ. Войска устали трехдневными боями и дальними переходами, но они были воодушевлены побѣдой, а Паскевичъ, какъ всѣ великіе полководцы, обладалъ талантомъ возбуждать энтузіазмъ солдатъ; онъ поздравлялъ солдатъ съ побѣдами, постоянно входя въ сообщеніе съ войсками, держалъ себя очень просто и доступно.

Интересна его встрѣча съ предводителями курдовъ. На вопросъ Паскевича о доблести русскихъ, беки курдовъ отвѣтили съ восточнымъ краснорѣчіемъ: „мы прогираемъ доселѣ глаза отъ изумленія, намъ кажется все это сномъ, мы слышали о храбрости русскихъ, но такой храбрости не видали еще“. Паскевичъ замѣтилъ, что курды должны перейти къ русскимъ. Они отвѣтили: „иди впередъ, возьми Эрзерумъ, тогда все будетъ Ваше и кто осмѣлится противиться силѣ русскихъ“? Войска шли впередъ. Бурцевъ взялъ Ардостъ, освободилъ дороги отъ турокъ. Не надо думать, какъ это пишутъ невѣжды, что турокъ—плохой солдатъ. Можетъ быть это одинъ изъ лучшихъ солдатъ міра. И тѣмъ труднѣе побѣда надъ ними русскаго воина. Интересно въ этомъ отношеніи столкновеніе при занятіи Ардоста. Подполковникъ Басовъ долженъ былъ съ казачьей сотней отправиться въ Хоросанъ, чтобъ установить сообщеніе съ войсками кн. Бековича. Казачій отрядъ наткнулся на турокъ, встрѣча была такъ быстра, что послѣдніе спрятались въ горахъ. Казаки предложили сдаться, но турки отказались и зарубили тѣхъ своихъ товарищей, кто поддерживалъ предложеніе. При истребленіи этихъ фанатиковъ, раненые закалывали себя, другіе закалывали другъ друга, чтобы не попасть въ плѣнъ. Весь отрядъ погибъ.

Въ Хоросанѣ все было пусто, бѣжали войска, бѣжали жители. Скоро сюда прибылъ Бековичъ съ войсками. Паскевичъ шелъ къ Ардосту съ особой артиллеріей. Мѣстность была гористой, кругомъ видны были только острые скалы. Съ трудомъ карабкались солдаты. Съ послѣдняго гребня открылась великолѣпная картина. На высококомъ—неприступномъ утесѣ возвышалась крѣпость, а внизу лѣпилась деревушка, на изумрудной зелени, такъ странно диссонировавшей съ острыми камнями гранита. Крѣпость была разрушена, но стѣны отличались характеромъ циклопическихъ построекъ, а положеніе было такъ хорошо, что рѣшено

было устроить здѣсь складочный пунктъ на путяхъ сообщенія. Тотчасъ войска заняли это горное гнѣздо, трудности дороги кончались. Дальше путь былъ лучше. Угрюмые утесы горъ остались сзади; и чаще и чаще глазъ радовался изумрудной травой, деревьями, полями съ пшеницей, на горизонтѣ виднѣлись громады горъ съ снѣжными полями, не стаявшими до сихъ поръ. Все чаще и чаще встрѣчались плѣнные съ усталыми измученными лицами. Фанатизмъ пропалъ: „такъ угодно Аллаху, гяуры непобѣдимы“—говорили они, а болѣе пессимистически настроенные прибавляли „конецъ царству османлидовъ“. Войска подходили къ Араксу и близость большой рѣки чувствовалась по измѣненію климата. Паскевичъ пользовался минутами отдыха, чтобы составить донесеніе Государю, отправить знамена и другіе трофеи, плѣнные отправлялись въ Карсъ. Интересны, относящіяся къ этому періоду, записки Радожицкаго своимъ художественнымъ описаніемъ потоптанныхъ полей пшеницы, встрѣчающихся жителей. Крайне оригинально описаніе армянскихъ сарбазовъ набранныхъ въ Нахичеванѣ. Это была оригинальная армія. Красные колпаки-фески, зеленые и синіе мундиры уланскаго типа, бѣлые шаровары до колѣнъ и сѣрожелтые гетры; въ довершеніе всего—черные башмаки съ заостренными вверхъ носками. Это была комбинація всѣхъ цвѣтовъ радуги за нимъ шло войско ословъ, на которыхъ садились уставшіе, везли тяжести, провіантъ, ранцы, одежду и т. д. Наши солдаты умирали со смѣху, несмотря на смертельную усталость, увидѣвъ подобнаго воина, обыкновенно долговязаго, на маленькомъ осликѣ. Они кричали: „ей, подбери ноги“; и дѣйствительно ноги сарбаза часто были длиннѣе ослика и волочились по землѣ. Сарбазамъ не приходилось почти участвовать въ бояхъ.

Черезъ Араксъ былъ перекинутъ большой мостъ типичной старой персидской постройки (недаромъ его приписываютъ Дарію Гистаспу) Другое названіе его *чабанъ-кепри*—мостъ пастуха. Около него на холмѣ между двумя деревнями находится чтимая могила какого-то святаго, кто онъ—никто не знаетъ, какъ это бываетъ въ Персіи очень часто. Одни говорятъ—строитель моста, другіе—потомокъ пророка, но за сотни верстъ паломничаютъ къ этой могилѣ.

Все вокругъ, начиная съ 70 сажennaго моста, и кончая развалинами караванъ-сараявъ, громадныхъ по размѣрамъ, указываетъ, что, войска шли старинной торговой дорогой, можетъ быть, однимъ изъ первыхъ въ мірѣ караванныхъ путей. Все чаще и чаще встрѣчалось армянское населеніе. Армянскіе старѣйшины выходили на встрѣчу, сообщая о той паникѣ, которая свирѣпствовала въ войскахъ турокъ.

Гарнизонъ бѣжалъ изъ крѣпостей, кое-какъ вывозились запасы, „наши армяне, по приказанію турокъ, собрали арбы, чтобъ ихъ отвезти въ Эрзерумъ“—говорили эти простодушные дѣти природы. Недалеко было до крѣпости Гассанъ-Кала и солдаты пошли быстро, чтобъ успѣть захватить то, что турки хотѣли увезти. Въ запискахъ одного современника мы встрѣчаемъ описаніе чуднаго вечера.

Солнце шло къ закату, разсыпая алмазы свѣта на красивыхъ скалахъ. Войска подвѣлись на гору и сразу передъ ними раскинулась широкая долина и бѣлыя стѣны крѣпости. Вдали по дорогамъ, какъ гучка муравьевъ, были видны бѣгущіе въ паникѣ къ Эрзеруму обозы и войска, подымая облако пыли. Казаки бросились въ преслѣдованіе и быстро отбирали скотъ и припасы. Крѣпость была взята безъ боя, нашли тамъ и порохъ, и оружіе, и пушки. Жителей почти не осталось, кромѣ небольшого количества армянъ. Это была одна изъ тѣхъ крѣпостей, пожалуй раньше V в. римско-византійской постройки, поэтому среди армянъ ее называютъ *Арзен-ер-румъ* (*рум*=*римскій*). Позднѣе это названіе перенесено на Эрзерумъ. Крѣпость была полуразрушена, площадь обросла травой, подземные ходы обвалились и приведены были въ негодность. Пушки были безъ лафетовъ. У ногъ крѣпости пріютился чистенькій городокъ, обнесенный стѣнами съ бойницами. Паскевичъ занялъ домъ Бека (правителя Верхне-Пассинскаго санжака) и помѣстился въ комнатахъ, украшенныхъ каминами, на широкихъ и низкихъ диванахъ, бывшихъ любимымъ мѣстомъ отдохновенія аги съ одалисками и невольницами гарема. Бѣгство его было такъ поспѣшно, что не успѣли взять даже необходимыхъ принадлежностей.

Солдаты тоже освоились въ крѣпости¹⁾, они съ наслажденіемъ купались въ источникахъ горячей минеральной воды въ бассейнѣ еще византійской постройки, а послѣ „горячей баньки“, пили кислую минеральную воду изъ сосѣдняго источника—„вотъ квасокъ, такъ квасокъ“: радовались эти простодушныя дѣти. Офицеры съ любопытствомъ осматривали развалины стариннѣйшихъ построекъ, находили остатки *греческихъ колоній*. Быстро исправлялись стѣны крѣпости, на нихъ устанавливались новыя орудія. Гассанъ-Кале превращался въ опорный пунктъ русской арміи, какъ центръ дороги у Каоса въ Баязетъ. Теперь очередь была за Эрзерумомъ. Паскевичъ былъ одинъ изъ тѣхъ полководцевъ, который признаетъ моральную силу и отводитъ ей въ военномъ дѣлѣ одно изъ главныхъ мѣстъ. Онъ оставлялъ плѣнныхъ-урожен-

¹⁾ Записки Радожицкаго.

цевъ Эрзерума, отпускалъ ихъ домой, щедро награждая. Это была очень разумная мѣра, которая скоро принесла свой плодъ. Среди плѣнныхъ отпущенъ былъ Ага Малишъ, который распространялъ по городу русскія воззванія, гдѣ Паскевичъ обѣщаль сдавшимся полную милость, а сопротивляющихся обѣщаль казнить. Въ талантливо составленномъ воззваніи приводились примѣры жизни мусульманъ въ Россіи и говорилось, что Русскій царь не посягаетъ на религію, собственность и честь тѣхъ, кто сдастся. Въ Гассанѣ Каль остановился весь русскій отрядъ. Современники пишутъ, что стояла страшная жара и были случаи солнечныхъ ударовъ, особенно страдали войска отъ пыли. Паскевичъ, зная вѣроломство азіатовъ, предпринялъ рядъ мѣръ предосторожности. Однако, это не спасло его отъ покушенія. Вспыхнулъ пожаръ около дома, гдѣ онъ имѣлъ квартиру. Солдаты успѣли выбросить оттуда порохъ. Когда бросились въ домъ главнокомандующаго, въ самыхъ дверяхъ его спальни нашли два боченка съ турецкимъ порохомъ. Положеніе тѣмъ болѣе было необъяснимо, что въ городѣ не было ни одного мусульманина. На разсвѣтъ поднялась другая тревога, была слышна сильная перестрѣлка. Казаки сѣли на коней, чтобъ броситься впередъ, но дѣло обошлось скоро. Русскій разъѣздъ наткнулся на курдовъ, прогналъ ихъ и въ награду за свою храбрость получилъ 1000 головъ скота.

Всѣ эти тревоги не отозвались на празднествѣ дня рожденія Императора. Среди долины въ зеленомъ шатрѣ поставили походную церковь и служили торжественное молебствіе. Рядомъ стояли мусульманскіе полки и мулла читалъ имъ коранъ. При пѣніи „Тебе Бога хвалимъ“ войска салютовали и съ верховъ крѣпости раздался пушечный привѣтъ. Зрителей почти не было, жигели боялись. Въ прочитанномъ приказѣ главнокомандующаго говорилось о храбрости войскъ, перечислялись побѣды ихъ, указывались трофеи. Приказъ своей простотой и сердечностью произвелъ сильное впечатлѣніе. Послѣ торжества стали веселиться. У Паскевича былъ обѣдъ, въ началѣ котораго онъ получилъ донесеніе. При салютѣ орудія былъ провозглашенъ тостъ за Государя и тутъ же было объявлено, что черезъ часъ идемъ къ Эрзеруму. Радожицкій, записки котораго мы имѣли въ виду, сравниваетъ походъ съ походами римлянъ. Донесеніе, какъ оказалось впоследствии, было получено отъ Агъ-Мамиша, который говорилъ, что народъ согласенъ на сдачу, только Сераскиръ возбуждаетъ волненія. Указывалось здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ, что только немедленный походъ вызоветъ сдачу города. Въ Эрзерумѣ было сильное волненіе; турецкія войска, бѣжавшія въ паникѣ отъ русскихъ возбуждали страхъ у мусульманъ. Русскіе передовые отряды казаковъ были недалеко отъ города. Прокламаціи Паскевича дѣлали свое дѣло, говоря

объ успѣхахъ русскихъ въ Анатоліи. Фанатичныя массы мусульманъ могли или впасть въ полную апатію, или перейти къ ярости отчаянія. Сераскиръ билъ на послѣднее. Паскевичъ спѣшилъ къ Эрзеруму, чтобы возбудить эту апатію востока. Ага Мамишъ, хорошо знающій психологію Востока, не терялъ времени. Онъ собралъ совѣтъ городскихъ старшинъ и сообщилъ слова Паскевича, а также свои взгляды на храбрость и энергію русскихъ войскъ. Но дѣлалъ свое дѣло и фанатизмъ. Сераскиръ послалъ по улицамъ города толпы муллъ и дервишей, которые били себя въ грудь и кричали: „смерть за вѣру и пророка Мохаммеда“.

Интересна восточная хитрость, примѣненная къ этимъ фанатикамъ. Чтобы подогрѣть увѣренность въ непобѣдимости города, турки вдали на горахъ поставили много восточныхъ палатокъ, объявивъ, что тамъ находятся войска для защиты Эрзерума. Ага Мамишъ ночью уничтожилъ эти палатки и объявилъ, что войска разбѣжались отъ приближенія казаковъ. Всякій слухъ на Востокѣ, не знающемъ газетъ, быстро расходится. Паника поднялась страшная; первыми бросились бѣжать военный караулъ; народъ былъ въ смятеніи. Былъ очень удобный моментъ для чтенія прокламаціи Паскевича, чѣмъ воспользовались сторонники Россіи. Почетные старшины объявили Сераскиру, что рѣшаютъ сдать городъ. Послѣдній растерялся, ни угрозы, ни убѣжденія не могли дѣйствовать и онъ объявилъ, что съ пашами уходитъ изъ города. Старѣйшины не хотѣли ихъ выпустить, тотчасъ же былъ образованъ изъ жителей караулъ. Русскіе были въ 30 верстахъ, когда явились къ нимъ Ага Мамишъ и начальникъ воротъ города („капиджи паша“) съ просьбой о присылкѣ лица для переговоровъ о капитуляціи города. Была доставлена и грамота отъ населенія, гдѣ просили о сохранности жизни и имущества гражданъ. Турецкое вѣроломство сказалося и здѣсь. Въ цвѣтистыхъ выраженіяхъ „начальникъ городскихъ воротъ“ говорилъ, что не ожидалъ найти такъ близко у города русскихъ, онъ говорилъ далѣе, что около города войскамъ будетъ неудобно, нѣтъ воды, мѣста для лагеря, кромѣ того фанатики могутъ взбунтоваться. Чѣмъ больше онъ приводилъ резоновъ, тѣмъ энергичнѣе становился Паскевичъ, хорошо знавшій Востокъ. Оказывается, что Сераскиръ ждалъ подкрѣпленій. Войска быстро двигались; очень труденъ былъ подъемъ на Деве Бойне, постоянный вѣтеръ съ горъ поднялъ такую пыль, что солдаты буквально задыхались. Остановились войска около 3 верстъ отъ крѣпости. Турки выслали конницу, которая завязала перестрѣлку. Эрзерумъ былъ собственно неприступенъ. Парламентаромъ былъ посланъ князь Бековичъ-Черкасскій, съ казаками и узденями кабардинцами. Въ это

время съ крѣпости открыли пушечный огонь по этой кучкѣ, хотя знали, что это-парламентеры. Ага Мамишъ поскакалъ впередъ, чтобъ остановить огонь, открытый, какъ оказалось въ послѣдствіи, фанатиками, захватившими батареи. Какъ ни скоро двигалось русское войско, настроеніе жителей измѣнилось скорѣе. Распущенные и дезорганизованные турецкіе солдаты въ соединеніи съ хулиганами начали погромъ, ища измѣнниковъ, которые хотѣли сдать городъ русскимъ. Едва едва удалось уговорить толпу сохранить видимое спокойствіе при вѣздѣ русскихъ-парламентеровъ. Озлобленіе смѣшивалось съ любопытствомъ на лицахъ зрителей. Бековичу предложено было остановиться у Сераскира, но онъ, боясь азіатскихъ хитростей, отклонилъ это предложеніе. Русскіе остановились у одного частнаго лица. Когда подано было угощеніе въ видѣ гизбела, кофе, на улицѣ раздался крикъ. Мятежная толпа окружила домъ, требуя выдачи русскихъ. Моменты были критическіе, но Бековичъ былъ храбръ. Онъ вышелъ къ толпѣ и сказалъ, что, если его убьютъ, придутъ русскіе и не оставятъ камня на камнѣ. „Вы хотите защищать свою жизнь, женъ и имущество, сказалъ Бековичъ, но мы этому не угрожаемъ; вы надѣетесь на Сераскира, но онъ самъ вывезъ уже свое имѣніе“. Толпа была озадачена смѣлыми словами. Она бросилась къ дворцу Сераскира и убѣдилась въ эвакуаціи имущества послѣдняго. Тогда фанатики поставили у всѣхъ воротъ города караулъ, чтобъ не выпускать никого. Бековичъ, несмотря на сильную усталость и потрясенія, созвалъ у себя совѣтъ изъ кадіевъ, муфтіевъ, старшинъ, и агаларовъ. Хорошо владѣя турецкимъ языкомъ, онъ въ красивой рѣчи убѣждалъ сдаться, обѣщая полную свободу всѣмъ. Утромъ на бѣломъ арабскомъ жеребцѣ, посланномъ Сераскиромъ Бековичу въ знакъ особенной почести, Бековичъ, двинулся для переговоровъ со своей свитой и чиновниками, шедшими у стремени Бековича. Посольство было принято во внутреннихъ покояхъ, наполненныхъ пашами, улемами и др. Сераскиръ оказалъ неслыханную на Востокѣ почесть. онъ двинулся самъ на встрѣчу русскимъ парламентаромъ. Бековичъ вручилъ письмо Сераскиру и просилъ разговора наединѣ. Сераскиръ былъ сильно взволнованъ тѣмъ, что Паскевичъ требовалъ, чтобъ онъ и войска были признаны военноплѣнными. Шестидесятилѣтній воинъ, имѣвшій всѣ почести, правитель Арменіи боялся участи военноплѣннаго. Онъ потребовалъ 3 дня на отвѣтъ, но Бековичъ замѣтилъ, что если онъ не дастъ отвѣта черезъ два часа, начнется штурмъ города и его постигнетъ участь Ахалцыха.

Со слезами на глазахъ Сераскиръ согласился. Бековичъ объявилъ полную неприкосновенность имущества жителямъ, но требовалъ, чтобъ

пушки, арсеналъ и магазинъ были сданы немедленно; горожане должны были все оружіе сдать въ арсеналъ. Было послано извѣстіе Паскевичу, что Эрзерумъ сдадутъ въ 4 часа. Посланецъ вернулся скоро съ категорическимъ приказомъ, чтобъ турки очистили Топъ Дагъ съ его укрѣпленіями, господствующими надъ городомъ и чтобъ сдача была въ 3 часа. Сераскирь тѣмъ временемъ поднялъ бунтъ, войска вышли изъ повиновенія. Бековичъ отправилъ Паскевичу донесеніе, чтобъ начать былъ штурмъ въ 3 часа и чтобъ о немъ не беспокоились: „смерть наша будетъ дорого стоить туркамъ“. Смятеніе въ городѣ разросталось, требовали выдачи головъ Бековича и русскихъ. Особенно былъ опасенъ моментъ, когда разнеслась вѣсть, что русскіе начали штурмовать Эрзерумъ. Турки предложили Бековичу бѣжать, но онъ гордо отказался. Толпа бросилась къ дому Бековича, свита приготовилась къ защитѣ. По правиламъ гостепріимства—на помощь явился хозяинъ дома съ своими братьями и прислугой. Бековичъ умѣлъ глядѣть опасности въ глаза. Онъ вышелъ на балконъ и, глядя на дула направленныхъ противъ него ружей, сказалъ: „моею смертью вы ничего не добьетесь, только русскіе уничтожатъ городъ. Я знаю каранъ и помню тамъ одно изреченіе: не надо напрасно проливать кровь вѣрныхъ и подвергать мечети разрушенію“. Ревъ стихъ, толпа какъ укрощенный звѣрь, затихла.

Въ это время на высотахъ Топъ Дага блеснуло оружіе солдатъ, а толпа въ паникѣ бѣжала. Но Бековичу предстояло новое испытаніе. Явились арнауты и потребовали, чтобъ имъ было уплачено за нѣсколько лѣтъ жалованіе, иначе они не сдадутъ оружіе и не выдадутъ пушки. Бековичъ одинъ безъ свиты—идеть къ Сераскиру и беретъ обѣщаніе, что арнауты будутъ удовлетворены. Дѣло шло о нѣсколькихъ сотняхъ рублей на наши деньги. Когда русскіе вѣбзжали съ извѣщеніемъ о сдачи Эрзерума, хулиганы бросились и, закрывъ ворота, стали стрѣлять изъ пушекъ. Отѣздъ былъ задержанъ и это едва не вызвало катастрофы. Топъ Дагъ былъ взятъ русскими безъ одного пушечнаго выстрѣла съ нашей стороны и батареи наши направили свои жерла на Эрзерумъ. Въ это время начались выстрѣлы изъ Эрзерума. До назначеннаго срока оставалось нѣсколько минутъ и Паскевичъ приказалъ открыть огонь. Въ этотъ моментъ увидали городскую депутацію съ Бековичемъ, везшую ключи. Русскіе прекратили канонаду, но турки стрѣляли, мѣтаясь въ свиту Паскевича. Послѣдній отдалъ новый приказъ стрѣлять, мятежники были разогнаны и уходя взорвали пороховые склады. Армянское населеніе тоже выслало свою депутацію во главѣ съ архіепископомъ Карапетомъ. Послѣдній благословилъ русскихъ стариннымъ серебрянымъ распятіемъ.

Былъ подписанъ актъ о сдачѣ, при чемъ Паскевичъ вычеркнулъ пунктъ, гдѣ говорилось, что Сераскирь и паши получаютъ свободу. Никто не зналъ, что Сераскирь отправилъ посланца въ Константинополь съ извѣщеніемъ, что онъ ѣдетъ въ Діарбекирь собирать армию и просить о присылкѣ орудій для штурма крѣпости; сдачу Эрзерума онъ объяснилъ деморализаціей жителей: измѣной армянъ и прокламаціями Паскевича. Первой съ распущенными знаменами пошла колонна генерала Панкратѣва. Заняты были наружныя укрѣпленія, поставлены резервы у воротъ. Жители выносили медъ, фрукты, молоко, но солдаты не брали ничего. Арнауты оказали сопротивленіе, но быстро были разогнаны. Въ 7 часовъ вечера на башнѣ развернулось русское знамя. Сераскирь былъ арестованъ, но успѣлъ отдать приказъ убить своего медика-армянина за его совѣтъ сдаться русскимъ.

С. Фарфоровскій.

